

Особенности структурирования этнического поведения русских Латвии

Владислав Волков, Ольга Пейпиня

ДАУГАВПИЛСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЛАТВИЯ

Актуальность темы исследования

Русские – крупнейшая после латышей этническая группа Латвии, составляющая 652,2 тыс. человек, или 28,6% ее населения, что превосходит совокупную долю остальных этнических групп страны – белорусов, поляков, украинцев, литовцев, евреев и др. (*Latvijas iedzīvotāju sadalījums... 2006*). Причем в некоторых крупнейших городах Латвии – в Риге, Даугавпилсе и Резекне – именно русские составляют самую большую этническую группу горожан (*Iedzīvotāju...2006*: 1–3). С момента восстановления государственной независимости Латвийской Республики в 1991 году как абсолютное число русских, так и их доля в населении страны снижается вследствие эмиграции и отрицательного естественного прироста. В то же время с начала 2000 года отрицательное сальдо миграции, а также уровень отрицательного прироста русского населения Латвии уменьшились, что позволяет говорить о стабилизации и даже некотором улучшении демографических характеристик этой этнической группы Латвии. Очевидно, что и в обозримом будущем русские будут так же составлять крупнейшее этническое меньшинство страны и представлять весомую долю латвийского населения. К тому же русские – это одна из немногих этнических групп Латвии, которая ориентируется в основном на заключение эндогенных браков (так же, как и латыши и цыгане), что позволяет говорить о высоком потенциале воспроизводства этничности среди латвийских русских (см. табл. 1, диагр. 1–3).

Однако воспроизводство русскими собственной этничности происходит в контексте латвийского национального государства, что, как показывает практика, оказывает влияние на особенности политических, а также социально-экономических и духовных условий такого воспроизводства этничности. Русские Латвии вот уже более 15 лет вырабатывают и реализуют собственную адаптивную стратегию этнического поведения, которая преследует двуединую цель – сохранить базисные основы русской этничности в Латвии, а также осуществить социально-экономическую и политическую интеграцию в латвийское гражданское общество и национальное государство. Естественно, при этом возникает вопрос, насколько осо-

бенности выбранной русским этническим меньшинством стратегии этнического поведения являются адекватными для артикулированных целей.

В данной статье показано видение латышской политической и научной либеральной мыслью политических контуров этнического поведения русской этнической группы. Такое видение представлено, прежде всего, в государственной Программе «Интеграция общества в Латвии». В статье также приводятся данные общелатвийских этнологических исследований, а также исследований, содержащих этнологическую проблематику, в которых раскрываются особенности этнического поведения русских в различных сферах жизни общества. Такие исследования – источник важных данных, дающих возможность сравнить особенности русского и латышского этнического поведения. Последняя часть статьи – анализ особенностей поведенческой стратегии русских Латвии в зависимости от утвердившихся стандартов и ценностей качества жизни. Авторы выдвигают гипотезу: особенности структурирования этнического поведения русского меньшинства в Латвии частично создают условия для формирования вертикальной модели этнической социальной стратификации.

Латышский политический дискурс о месте русского этнического меньшинства в латвийском обществе

Русское этническое меньшинство – значительная часть латвийского общества. Поэтому не случайно в политическом сознании латышей как государствообразующей нации представление о русском меньшинстве занимает одно из центральных мест. Латвийское политическое сознание самим понятием «этническое, национальное меньшинство» в отношении русских и всех других «нелатышей» структурировало этническое пространство Латвии, в котором «центральное место» занимает латышская нация, а «периферийные позиции» – национальные и этнические меньшинства страны. В латвийском общественном сознании понятия «национальное меньшинство» и «этническое меньшинство» часто употребляются как синонимы, если речь идет об экономических, социальных, культурных и психологических характеристиках этнических групп нелатышей. Но если даются характеристики нелатышам в политической жизни Латвии, то, как правило, исследователи разделяют эти два понятия. Так, если у этнической группы есть «собственное» национальное государство, – то это «национальное меньшинство». Если же такого государства нет, то речь уже идет об «этническом меньшинстве». Но все же и такое разделение условно, так как исследователи, например, предпочитают говорить об «этнополитике» государства по отношению ко всем нелатышам или о возможностях «этноконфликта». (Zera 2005: 5–6)

Сам факт аналитического разделения этнического пространства Латвии на «нацию» и «этнические, национальные меньшинства» означает установление политического контура взаимодействия латышей и других этнических групп страны, определяя рамки ожидаемого нормативного поведения представителей этих этнических групп.

С конца 1990-х годов и по нынешнее время латышский политический дискурс в понимании места этнических и национальных меньшинств наиболее емко актуализирован в идейном оформлении политики интеграции латвийского общества. Из всего спектра этого дискурса – либеральной, социал-демократической и консервативной направленности – именно либерализму принадлежит ключевая роль в выработке, пропаганде и практической реализации идей интеграции общества современной Латвии. Однако специфика латвийского либерализма заключается в том, что он ярко окрашен в национальные цвета: идея национальной государственности либералам так же близка, как и латышским консерваторам.

Латышский либерализм институализирован в программных документах многих политических партий, которые традиционно, со времен восстановления независимости Латвийской Республики, формируют правительство. В Сейме 8-го созыва (выборы состоялись в 2002 году) латышские либеральные партии контролируют 69 мест из 100. Предвыборные программы прошедших в парламент латышских либеральных партий в отношении к национальным меньшинствам существенно отличаются от идеологии националистических партий. Так, получившее небольшое представительство в парламенте националистическое объединение ТБ/ДННЛ (Отечеству и свободе/Движение за национальную независимость Латвии) в предвыборной программе употребляет термины «инородцы», «оккупанты», выступает за облегченный вариант репатриации на историческую родину для тех русскоязычных жителей Латвии, которые не имеют латвийского гражданства. В программе этого объединения содержится пассаж о наличии в стране «враждебных Латвии организаций, поддерживаемых русскими имперскими кругами». Радикальная Латышская партия, не прошедшая в Сейм, высказывается за деколонизацию и деокупацию страны. Либеральная же партия Юнайс Лайкс (Новое Время) – лидер избирательной кампании 2002 года – выступает за необходимость использования латышского языка в общественной жизни Латвии, но не упоминает специфических интересов национальных меньшинств. Объединение зеленых и крестьян, которое является членом правящей коалиции, провозглашает необходимость доминирования латышского языка и культуры, также без упоминания специфических интересов этнических и национальных меньшинств. Либеральная Народная партия также не оговаривает проблему прав национальных меньшинств Латвии, хотя при этом отказывается в предвыборной программе подчеркивать

латышские национальные ценности. Первая партия – единственная из латышских либеральных партий, имеющих представительство в 8-м Сейме, кто специально оговаривает цель достижения консолидации между латышами и нелатышами. (*Sabiedriskās politikas...* 2002)

Латышский политический либерализм считает, что основой интеграции латвийского общества являются латышские национальные ценности, институализированные в латвийском законодательстве – Законе о языке, Законе об образовании, Законе о гражданстве Латвийской Республики, Законе о культурной автономии, а также в государственной Программе интеграции общества в Латвии, утвержденной в 2002 году. Эти ценности считаются универсальными для латвийского гражданского общества. Что же касается специфических интересов латвийских национальных меньшинств, то, по мнению латышских либералов, они проявляются в сфере частной жизни самих национальных меньшинств и вполне защищены законом «О свободном развитии национальных и этнических групп и их праве на культурную автономию» 1991 года. Этот закон защищает именно индивидуальные права людей, принадлежащих к национальным меньшинствам страны, на свободное культурное развитие, но при этом оговаривает необходимость защиты коллективной идентичности только латышей и ливов.

Предвыборные программы политических партий, конечно, не могут дать развернутой картины латышского либерального дискурса в отношении интеграции общества. Необходимую информацию по этой теме можно почерпнуть из таких значимых в современной интеллектуальной жизни латвийского общества документов, как государственная Программа «Интеграция общества в Латвии» (2001 год) и исследование «На пути к гражданскому обществу» (1997–2000 годы), а также из научных трудов латышских ученых.

Среди латышских ученых, придерживающихся либеральных взглядов, нет единства в понимании проблемы взаимоотношения национального государства и национальных меньшинств. Часть известных латвийских ученых (И. Апинь, Э. Веберс, Л. Дрибинс, И. Друвиете, П. Лакис, А. Приедитис, А. Янельсина-Приедите и др.), характеризуя латвийское общество, оговаривает и права национальных меньшинств (Druviete 2000: 184; Laķis 2000: 388; Dribins 2000: 433). Другая часть либерально мыслящих латышских ученых (И. Инданс, В. Калныньш, А. Пабрикс и др.) считает, что либеральные ценности в латвийском демократическом государстве и обществе носят универсальный характер и поэтому нет никакого смысла специально выделять интересы национальных и социальных групп, которые нуждаются в дополнительной юридической и моральной защите. По мнению этих ученых, правомерно признавать индивидуальный характер идентичности представителей национальных

меньшинств как часть универсальных прав человека (Indans, Kalniņš 2001: 5; Pabriks 1998: 320).

Государственная Программа «Интеграция общества в Латвии», принятая в 2000 году, также основывается на либеральных ценностях. В отношении понимания проблем национальных меньшинств в ней сохранена преемственность с основными законами Латвийской Республики, регулирующими проблемы, связанные с гражданством, языком, образованием и культурной автономией этнических и национальных меньшинств. Содержание Программы носит компромиссный характер, который отражает коллизии современного латышского либерального сознания в оценке места и роли национальных меньшинств в латвийском обществе. С одной стороны, программа связывает с «символом государства» именно латышские национальные ценности, прежде всего – латышский язык. С другой стороны, утверждается право меньшинств «сохранять свой язык и культуру как основу их этнической идентичности» (*Valsts programma...* 2001: 52). При этом в таком важном разделе программы, как «Образование. Язык. Культура», вовсе не упоминается термин «русский» или же маркер другого национального меньшинства страны, а речь идет исключительно о «билингвальном образовании». Программа интеграции общества связывает термин «русский» либо с проявлениями, в основном, театральной жизни и фольклорного среза русской культуры в Латвии (Рижский театр русской драмы, русская труппа Государственного театра кукол и Даугавпилсского государственного театра и фестиваль школьных театров под руководством Б. Завьялова, празднование Масленицы), либо с наследием советского режима и влиянием культурного и информационного пространства Российской Федерации (результат массовой миграции в Латвию населения, которое «не включилось в среду латышской культуры и языка», наличие значительной части библиотечного фонда на русском языке и преобладание на рынке видеопродукции из России) (*Valsts programma...* 2001: 8, 76–78).

Как видно из краткого обзора содержания латышского либерального политического дискурса, идентичность русского этнического меньшинства, как и, впрочем, других этнических меньшинств Латвии, рассматривается в основном как ценность частной жизни индивидуальных носителей этой этничности. В отличие от латышских либералов, русское либеральное сознание считает недостаточным связывать права национальных меньшинств только со сферой индивидуальной культурной автономии. Русский политический либерализм пытается показать, что требуется законодательная защита также коллективных прав национальных меньшинств, прежде всего в сфере образования и применения языков национальных меньшинств (Volkov 2005: 82–84).

Статус русских в качестве этнического/национального меньшинства Латвии выступает общим политико-правовым контуром, который очерчивает рамки их этнического поведения по отношению к основополагающим государственным ценностям, таким как унитарное государственное устройство, статус латышского языка как единственного государственного языка, принципам демократии и правового государства и т. д. В то же время содержание этнического поведения русского меньшинства чрезвычайно многообразно. Оно реализуется как в экономической и социально-политической, так и в духовной сферах общества. Анализ особенностей этнического поведения в различных сферах общественной жизни позволяет выявить роль этничности русского меньшинства как одного из социальных ресурсов носителей такой этничности. Этнологические исследования показывают особенности этнического поведения русского меньшинства в условиях утвердившихся социально-экономических и духовных институтов латвийского общества.

Этнологические исследования в Латвии об особенностях структурирования поведения русского этнического меньшинства

В Латвии накоплен немалый опыт анализа особенностей этнических групп и их изменений вследствие новой системы ценностей, утвердившейся после 1991 года. При этом общелатвийские исследования последних пяти-шести лет выгодно отличаются от исследований девяностых годов именно интересом к межэтническим взаимодействиям и, прежде всего, к отношениям между двумя крупнейшими этническими группами Латвии – латышами и русскими. Все чаще такие исследования переходят от рассмотрения этничности как явления преимущественно социально-психологического к его анализу как системного социального явления, реализующегося в форме этнического поведения в различных областях общественной жизни. В этих исследованиях затрагиваются два существенных аспекта:

1. Выявляются основные структуры массового поведения русского этнического меньшинства страны в сравнении с поведением латышей, а также других этнических групп Латвии.

2. Происходит популяризация в латышском национальном сознании идеи о признании права русского меньшинства на коллективные способы этнического поведения и на коллективную этническую идентичность в рамках общегражданской идентичности.

Так, в самом масштабном социологическом исследовании второй половины 1990-х годов «На пути к гражданскому обществу», подготовившем

научную базу для государственной Программы интеграции общества в Латвии, принятой в 2001 году, проводился анализ мнений «граждан» и «неграждан» без указания их национальности. Собственно этнологическая тематика затрагивалась фрагментарно. В частности, исследование интересовалось различиями в психологической самооценке русских и латышей. Так, например, выявлялось отношение к возможности ввести русский язык как второй государственный язык Латвии и гарантировать получение образования на русском языке или оценка необходимости знания жителями Латвии как латышского, так и русского языков (*Pētījumu un rīcības...*1998: 64, 108, 112, 120, 121).

Обзор новейших этнологических исследований, представленных на портале <http://politika.lv>, говорит о наличии следующих важных идей в понимании особенностей поведения русского этнического меньшинства, а также его этнического сознания:

1. Этнический фактор в условиях современного латвийского общества оказывает влияние на социальные представления людей, но при этом не является единственным, который приводит к их структурированию. Так, отношение представителей различных этнических групп к эмиграции рабочей силы из Латвии за рубеж лишь в небольшой степени определяется их этнической принадлежностью. В то же время региональная принадлежность людей, уровень их доходов, возраст и уровень полученного образования выступают решающими факторами, определяющими различия в отношении к эмиграции из Латвии (табл. 2) (*Sabiedrības attieksme...* 2005: 9).

2. Уровень распространения социальных и этнических страхов напрямую влияет на уровень распространения в этническом сознании представлений, направленных на понимание групповой идентичности. Причем, чем выше этническая группа оценивает угрозы собственной идентичности, тем чаще ее сознание и рассматривает социальную реальность под углом зрения собственной групповой идентичности. В латвийском обществе у латышей и русских уровень страха или социальной тревожности в отношении сохранения собственной этнической коллективной идентичности различен, поэтому и коллективное сознание латышей и русских в различной степени пронизано представлениями, связанными с групповой идентичностью.

Сознание русских по сравнению с сознанием латышей более пронизано категоризацией, связанной с групповой идентичностью. В исследовании 2004 года «Контент-анализ прессы: аспекты увеличения/снижения нетерпимости» показано, что среди четырех общелатвийских ежедневных газет (2 издания на латышском языке и 2 – на русском) именно на русское издание «Вести Сегодня» приходится 42% материалов, в которых содержится информация о различных видах групп латвийского общества.

Среди всех социальных групп – этнических, языковых, расовых, религиозных и других – подавляющий объем материала, 41%, приходится на освещение проблематики именно этнических групп. При этом положение русской этнической группы рассматривается чаще, чем латышей (508 случаев против 359). Особо большая разница обнаруживается в рассмотрении этнолингвистических групп – латышскоговорящих и русскоговорящих – 146 и 575 упоминаний. Авторы исследования полагают, что это связано с тем, что именно русскоязычная пресса заняла активную позицию в отстаивании прав этнических и национальных меньшинств в сфере образования, выступив с критикой реформы образования, проводимой правым правительством Э. Репше. (Kruks 2004)

3. Репрезентативное социологическое исследование «Классовая самоидентификация в Латвии», проведенное в 2005 году, не выявило существенных различий в социально-классовой самоидентификации представителей этнических групп. Так, доли латышей и русских, идентифицирующих себя с рабочим классом, примерно соответствуют их удельному весу в этнической структуре латвийского общества. Доля латышей, идентифицировавшая себя со средним классом, оказалась больше соответствующей доли русских. А вот с низшим классом латыши идентифицировали себя реже, чем русские. Идентификация с высшим классом чаще встречается среди русских, чем среди латышей, но при этом общая доля самоидентификации с этой социальной группой во всей выборке чрезвычайно мала. Таким образом, классовая самоидентификация внутри русской этнической группы в меньшей степени, чем у латышей, соответствует наиболее передовым тенденциям экономики и общественной жизни (табл. 3) (*Šķiriskā pašidentifikācija... 2005: 5–6*).

4. Приводимые в различных исследованиях мнения экспертов говорят о более развитых психологических способностях русских адаптироваться к предпринимательству, чем это проявляется у латышей. По мнению экспертов, русские лучше латышей адаптируются к переменам, больше рискуют, более предприимчивы, они обладают лучшей самооценкой и не боятся начать карьеру с самых низких ступенек. В исследовании «Интеграция общества и предпринимательство» приводится мнение эксперта о том, что «русские более целеустремленны, активны по своей природе, чем латыши, которые держатся за имеющуюся работу». Имеются этнические различия и в культуре латвийского предпринимательства. Эксперты отмечают, что русские предприниматели при рекрутировании рабочей силы больше ориентированы на неформальные контакты, а латыши-бизнесмены – на публичные конкурсы. При этом и «русская» предпринимательская среда более закрыта (*Sabidribas integrācija... 2004: 7–8*). Однако подобные исследования представленности этнического аспекта в предпринимательстве Латвии не носят системного характера и проводятся

без привлечения количественных методов. (Zepa, Šūpule, Tomsone, Krastiņa 2006: 143)

5. Коллектив авторов из Латвии, Венгрии и США провел одно из многих исследований неравенства в распределении социального капитала в сфере образования между русским национальным меньшинством, с одной стороны, латышами, литовцами и эстонцами, с другой стороны. Авторы исследования считают, что по сравнению с советским периодом вырос разрыв между русскими и представителями титульных наций в уровне полученного образования (Hazans 2005).

6. Латвийские исследователи полагают, что рисунок стратификационной пирамиды в таком мультикультурном обществе, как Латвия, не может не приобретать этнических черт. В первую очередь это зависит от того, насколько крупнейшие этнические группы страны – латыши и русские – в равной степени смогут воспользоваться возможностями рыночной экономики и институтами гражданского общества для социального продвижения. При этом исследователи констатируют, что именно среди части латвийских русских нередко встречаются элементы самосегрегации, что препятствует социальной мобильности в экономической жизни (*Sabidribas integrācija...* 2004: 42). В исследовании «Насколько демократична Латвия. Аудит демократии» показано, что среди части постоянных жителей Латвии, не являющихся гражданами государства, явно чувствуется недостаток мотивации в натурализации (Brands-Kehre, Rūse 2005: 24–25).

Поскольку содержание политических и социальных прав граждан Латвии шире содержания соответствующих прав жителей страны, не являющихся ее гражданами, то среди этой социальной группы ниже и уровень социальных притязаний, что не может не приводить к более высокой их доле на низших уровнях социальной стратификации по сравнению с долей латышей. Можно вполне согласиться с мнением Т. Маршалла о том, что в условиях современного правового и социального государства гражданство становится важнейшим признаком социальной стратификации, в то время как раньше таким признаком обладала социально-классовая структура. Именно гражданство гарантирует тот комплекс общегражданских, политических и социальных прав, который и обеспечивает человеку успешную социализацию и социальную мобильность в современном обществе (Marshall 1964: 11).

7. В исследовании «Формирование гражданского общества в крупнейших городах Латвии и этнически неоднородных районах» показана зависимость актуальности этнической самоидентификации от таких признаков, как этническая принадлежность, место проживания и от правового статуса в Латвии (гражданин или постоянный житель, не имеющий латвийского гражданства). Этническая самоидентификация наиболее важна для латышей – 65%. Среди русских респондентов ее актуальность

отметили 41%, а среди респондентов других национальностей – 24%. Русские респонденты чаще высказывали важность собственной этнической идентичности именно в тех местах проживания, где наиболее интенсивна межэтническая коммуникация, прежде всего в городской среде. Не столь актуальна оказалась этническая идентичность для русских жителей Латгалии, старожильского населения, как правило, граждан Латвии. Так, среди русских жителей Лиепайи важное значение этнической идентичности отметили 71% респондентов, в Елгаве – 68%, в Рижском районе – 62%, в то время как не считают важной этническую идентичность 85% русских респондентов из Резекненского района, 76% – из Краславского и 61% – из Лудзенского районов. Среди русских граждан Латвии актуальность собственной этнической идентичности отметили 31% респондентов, а среди неграждан – 54%. Страх русских лишиться возможностей развивать собственную этническую культуру оказался выше именно в тех регионах Латвии, где как раз создана основная база социально-культурной инфраструктуры Латвии, функционирующей на русском языке: частные учреждения образования, в том числе и высшего, редакции крупнейших русских газет, театры, бизнес-среда и т. д. Русские Риги, Даугавпилса и Елгавы оказались более критичны в отношении возможностей сохранения собственной культуры, чем русские Вентспилса, Резекне, Резекненского, Рижского и Краславского районов (Zera, Šūpule, Tomsone, Krastiņa, Krišāne 2005: 40–41).

8. Наиболее часто встречающаяся тема в многочисленных этнолингвистических и этносоциологических исследованиях – это вопрос социальной компетентности русского меньшинства и, прежде всего, русской молодежи. В качестве ключа к социальной компетентности в экономической сфере для представителей национальных меньшинств, как правило, рассматривается их лингвистическая компетентность, уровень владения латышским языком. Одно из последних таких исследований – «Интеграция малообразованной молодежи из национальных меньшинств на рынке труда» – было проведено под руководством Б. Зеппы в 2005 году. Исследование выявило зависимость возможности найти работу молодыми людьми из национальных меньшинств от их уровня знания государственного языка. Так, среди тех молодых людей из представителей национальных меньшинств, кто уверен в способности найти работу, у 83% – высокий уровень знания государственного языка, у 71% – средний и у 64% – низкий (Zera, Šūpule, Tomsone, Krastiņa 2006: 70). Однако исследователи фиксируют снижение значимости латышского языка в сознании русских. Если в 1997 году 92% русских считали необходимым, чтобы все жители Латвии свободно владели латышским языком, то в 2002 году – 84% (Djačkova 2003: 19).

9. Одна из важнейших особенностей структурирования сознания русского национального меньшинства – это отношение к утвердившимся в Латвии после 1991 года ценностям, прежде всего, к таким базисным, как отношение к институту латвийского гражданства, социальной значимости государственного языка, уровень политического и социального участия, степень идентичности с Латвией и ее регионами и т. д. Исследователи показывают противоречивые стороны этих явлений. Так, с одной стороны, исследование «Формирование гражданского общества в крупнейших городах Латвии и этнически неоднородных районах» отмечает, что с 2000 года доля желающих получить гражданство Латвии возросла с 20% до 41%, при этом три четверти неграждан желают, чтобы их дети были гражданами Латвии (Zera, Šūrpile, Tomšone, Krastiņa, Krišāne 2005: 15). С другой стороны, наблюдается снижение значимости государственного языка в сознании русских жителей. Исследования отмечают, что среди русских уровень идентификации с Латвией значительно ниже, чем это проявляется среди латышей (Zobena 2004/2005: 26).

10. На структурирование сознания русских оказывает влияние как непосредственная коммуникация с латышами на индивидуальном уровне, так и сформировавшиеся представления о гарантиях сохранения коллективной идентичности русских в Латвии. При этом исследования подчеркивают, что на уровне индивидуальных контактов между русскими и латышами практически нет этнической дистанции, либо она минимальна. Исследование «Представления о межэтнических отношениях в Латвии» (2005) констатирует, что в латышско-русских взаимодействиях как среди латышей, так и среди русских доля тех, кто позитивно относится к представителям противоположной стороны, практически совпадает – 59–60% (Makarovs, Strode 2005: 6).

Но для русских, как и для латышей, все еще является актуальной угрозой сохранению собственной коллективной идентичности. Авторы исследования 2004 года «Этническая толерантность и интеграция латвийского общества» полагают, что русские видят угрозу коллективной идентичности из-за «привычки к привилегированному статусу русского языка, который был в условиях СССР» (Zera 2004a: 14, 28). Противоположны мнения латышей и русских по вопросу о том, насколько латвийская этнополитика соответствует интересам русского меньшинства. Так, например, 39,7% русских и только 5,9% латышей считают, что в Латвии интересы русскоязычного населения принимаются во внимание меньше, чем нужно (Makarovs, Strode 2005: 8). 46,3% латышей и 9,9% русских согласились с утверждением, что «существующее число русских в Латвии угрожает латышскому языку и культуре». По вопросу о степени лояльности русских Латвии мнения латышей и русских также разделились:

69,6% русских и 32,8% латышей считают русских лояльными Латвии. Причем, бóльшая часть опрошенных латышей уверена в том, что именно они, а не русские лучше понимают принципы демократии (55,0% латышей и 12,9% русских). 36,1% латышей и только 4,2% русских полагают, что государство в будущем должно финансировать школы только с латышским языком обучения (Makarovs, Strode 2005: 9–10, 14).

Исследование 2005 года «Этнополитическое напряжение в Латвии: поиски решения конфликта» (руководитель Б. Зепа) признает, что наличие этноконфликта в латвийском обществе обусловлено именно непростыми межэтническими отношениями именно на уровне групповых агентов, а не на индивидуальном уровне, что и порождает «коллективные этнические страхи». В качестве причин такого этноконфликта в Латвии авторы исследования называют масштабные изменения в латвийском обществе, что и приводит к изменению статуса этнических групп, роль СМИ, которые работают в различных информационных пространствах, асимметричный характер этнической стратификации в Латвии, который допускает численное доминирование латышей в государственном управлении, образовании (Зепа 2005: 6, 10).

11. Исследование «Интеграция общества и предпринимательство», проведенное под руководством профессора Б. Зепа, затронуло важный аспект особенностей этнического поведения русского меньшинства в сфере, где закон не запрещает функционировать иным, нежели латышский, языком. При этом авторы исследования делают вывод о том, что в сфере предпринимательства происходит этническая самосегрегация национальных меньшинств. Причем в качестве причин такой самосегрегации авторы исследования называют «различие языков, традиций, средства общения». Авторы полагают, что «в результате самосегрегации этнической группы происходит поляризация предпринимательства по этническому признаку, и такая самосегрегация порождает негативные социальные последствия, например, самодостаточность русского языка на «русских» предприятиях не стимулирует освоение латышского языка» (Зепа 2004b: 42).

12. В исследованиях латвийских авторов постоянно происходит уточнение категорий, применяемых для аналитического описания социальных особенностей русского этнического меньшинства Латвии. В целом в этом процессе происходит расширение круга социологических категорий, необходимых для выявления основных особенностей субъектности русских в общественно-политической жизни Латвии.

Так, исследование 2004 года Э. Кляве, И. Шупуле, Б. Зепа «Оценка двухпоточных школ как примера билингвального образования» признает позитивный характер школ с русским и латышским потоками, причем билингвальная среда характеризуется как «многообразие культур». При

этом авторы не настаивают на ассиметричности латышской или русской культур в билингвальном образовании русских школьников (Kļave, Šūpule, Zera 2004: 29).

На категоризацию исследовательского дискурса в сфере этнополитики влияние оказывают экспертные оценки и рекомендации западных ученых, которые публикуются в Латвии, а также публикации представителей интеллигенции, стремящейся к сохранению русского сегмента общелатвийской культуры. Исследование «Билингвальное образование в Латвии: международная экспертиза», опубликованное в 2002 году, рассматривает общественную ценность билингвального образования для национальных меньшинств только в контексте диалога культур, который предполагает активное участие всех сторон в процессе образования (Dedze 2002: 66–67, 82).

По мнению Б. Зельцермана и Н. Рогалевой, неудачи государственной этнополитики в сфере образования как раз связаны с отсутствием диалога с русским национальным меньшинством, когда «часть потенциальных субъектов образовательного процесса не стала его реальным субъектом» (Zelcermans, Rogaleva 2001: 80).

В исследовании М. Голубевой «Пропорция использования языков в школах национальных меньшинств после 2004 года» признается необходимость для научного исследования рассмотреть аргументы как стороны, формирующей и проводящей этнополитику в сфере образования, так и оппонентов этой политики (Golubeva 2004: 4).

Как видим, интерес латвийских исследователей к особенностям этнического поведения, а также этнического сознания русского меньшинства Латвии чрезвычайно широк. При этом важной особенностью таких исследований в 2000-е годы выступает потребность объяснить этническое поведение как результат действия всего комплекса общественных факторов, начиная от экономической жизни и заканчивая доминирующими в обществе культурными ценностями, особенностями межэтнической коммуникации.

Структурирование этнического поведения русского меньшинства под воздействием стандартов качества жизни

Доминирующие нормы и стандарты качества жизни выступают важным фактором, влияющим на коллективное поведение представителей этнических общностей. Как показывает Т. Парсонс, наличие социальных стандартов в обществе одновременно способствует как интеграции социальной системы, так и дифференцирует и стратифицирует общество

на группы, которые различаются как раз неодинаковой степенью освоения требований социальных стандартов (Парсонс 2000: 880). Для понимания особенностей структурирования поведения этнических групп в системе общества важным является положение социологического учения Р. Дарендорфа о том, что стратификация выступает результатом неодинаковых позиций акторов по отношению к доминирующим ценностям и нормам (Дарендорф 2002: 446). Доминирующие в обществе нормы, по мнению Дарендорфа, оказывают дифференцирующее воздействие на социальные позиции акторов: «нормы... не благоприятствуют одним ролям и благоволят к другим, социальное расслоение существует в смысле дифференциального распределения санкций, связанных с нормами» (Дарендорф 2002: 474).

Как показывает реальность мультикультурного латвийского общества, доминирующие в обществе нормы и ценности качества жизни также способны структурировать поведение социальных и этнических групп, а тем самым – и влиять на этническую стратификацию социальной системы.

Сам термин «структурация» и его толкование заимствованы из известной теории Энтони Гидденса. По мнению Гидденса, понятие «структурация» – важнейший смысловой элемент, необходимый для понимания сложившейся и/или складывающейся в обществе системы социальной и этнической стратификации. Понятие структурации позволяет взглянуть на систему социальной стратификации с динамической стороны, со стороны поведения коллективного субъекта: устойчивые элементы поведенческих практик социального субъекта оказываются важнейшим динамическим фактором формирования и функционирования в обществе системы стратификации и социального неравенства.

Э. Гидденс показывает возможности объяснения системы социальной стратификации общества как результата «воспроизводства институционализированных практик» в повседневной, «рутинной» жизни людей. Структурные элементы общества «существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве» (Гидденс 2003: 15). При этом в поведенческих практиках реализуются социальные идентичности, которые, в свою очередь, выступают «маркерами» социальных общностей. Эти маркеры увязывают социальные общности с совокупностью нормативных прав, обязанностей, а также с социальными ролями в обществе (Гидденс 2003: 385–386).

Актуальность исследования структурации этнического поведения русского населения Латвийской Республики диктуется потребностью выяснить важность проблемы как теоретического, так и практического свойства: является ли этнический фактор феноменом исключительно культурным или психологическим или же он тесно переплетен с экономическими и политическими явлениями, стал существенным элементом,

формирующим систему социальной стратификации в Латвии. Структурирование отношений этнических групп выступает результатом поведенческих стратегий этих групп внутри многоэтнического общества. По мнению Карла Дойча и Дональда Хоровица, этнические группы проявляют свой потенциал именно в процессе социальной мобилизации, которая и формирует образцы поведения этих групп (Deutsch 1961: 493; Horowitz 1985: 99). Этнические группы в этом смысле ничем не отличаются от других социальных акторов, деятельность которых определяется потребностями, стремлением и способностями их удовлетворить (Horowitz 1985: 100). В реальности различные этнические группы характеризуются разным уровнем социальных притязаний, что в конечном счете приводит и к различиям в занимаемых ими нишах социальной стратификации общества (Horowitz 1985: 196). Дональд Хоровиц выделяет две противоположные этнические системы. Первая соответствует жесткой вертикальной иерархии этнических групп, в которой одна группа доминирует, другая – подчиняется. Вторая возможная система взаимоотношений этнических групп – это их параллельное существование (Horowitz 1985: 22). По мнению Хоровица, неравномерность в модернизированности различных этнических групп общества приводит и к «этническому разделению труда» как внутри одного общества, так и между различными обществами (Horowitz 1985: 108).

Мнение о том, что этническое структурирование в обществе – это следствие неравномерной социальной мобилизации этнических групп, разделяется также известным исследователем этнополитики Джозефом Ротшильдом. Как считает Дж. Ротшильд, для обществ современного типа «характерны не только ассиметрические корреляции между этническими категориями, с одной стороны, и социально-экономическими классами и разделением политической власти, с другой стороны, для этих обществ характерно структурированное межэтническое неравенство» (Rotčailds 1999: 10–11). При этом современному обществу свойственными оказываются три модели стратификации, где экономические и этнические (расовые) элементы перекрывают друг друга (Rotčailds 1999: 35). Ротшильд считает, что этнические группы могут стратифицироваться по трем основаниям:

- 1) вертикальная иерархия;
- 2) параллельные сегменты;
- 3) перекрещивающаяся сеть (Rotčailds 1999: 73).

По мнению Дж. Ротшильда, именно сетевая модель отвечает и динамизму, и стабильности многоэтнических обществ: «Каждая этническая группа существует в диапазоне широких экономических функций и специальностей, и каждый экономический класс и сектор органически инкорпорирует членов многих этнических групп» (Rotčailds 1999: 74).

Анализ этнического поведения русского меньшинства по отношению к доминирующим стандартам и ценностям качества жизни позволяет обнаружить заметную тенденцию, которая может усилить вертикальную модель этнической стратификации, отмеченную Ротшильдом.

Интерес к этничности как ресурсу качества жизни является актуальным для латвийского общества вследствие многоэтнического характера населения страны. В такой ситуации практическую и научную значимость приобретает вопрос и о том, существуют ли в Латвии различия в качестве жизни национальных групп страны. Если же такие различия существуют, то носят ли они существенный характер, приводят ли к складыванию социального неравенства между национальными группами в культивировании ценностей и стандартов качества жизни нынешнего этапа в развитии общества.

Гражданское общество и демократическое государство заинтересованы в придании ценностям и стандартам качества жизни универсального характера. Особо важной эта проблема является для Латвии, в которой принципы демократического национального государства требуют гармоничной связи с этническим многообразием гражданского общества. Наиболее оптимальной моделью для латвийской ситуации является утверждение ценностей и стандартов качества жизни, равных для представителей всех этнических групп. В этом случае этнические различия между людьми не будут различиями в качестве жизни, а станут различиями исключительно культурного порядка.

В 2005 году в Латвии под руководством профессора Т. Тисенкопфа было проведено социологическое исследование «Качество жизни в Латвии», в котором один из авторов данной статьи принял участие и подготовил раздел «Качество жизни в Латвии: национальные различия». В этом разделе рассматриваются различия в качестве жизни между двумя наиболее крупными национальными группами Латвии – латышами и латвийскими русскими. Выбор только двух национальных групп, в частности, диктовался необходимостью соблюсти репрезентативность данных конкретного социологического исследования. (латыши – N=601, русские – N=322). В данном разделе исследования анализ различий в качестве жизни между национальными группами дается по следующим аспектам:

1. Представления национальных групп Латвии об **имеющихся условиях жизни**, что выражает отношение респондентов к ресурсам индивидуального развития;
2. Представления о **целях и ценностях** жизни, сложившиеся в сознании национальных групп;

3. Характеристика места представителей национальных групп в сформировавшейся **сети социальной коммуникации** в латвийском обществе. Этот показатель выражает уровень социальной интеграции представителей различных национальных групп внутри гражданского общества и Латвийского национального государства, а также внутри «своей» этнической группы.

Исследование выявило наибольшие различия между самыми крупными национальными группами Латвийской Республики – латышами и русскими – в следующих аспектах качества жизни:

1. Данные исследования говорят об имеющихся различиях в оценке латышскими и русскими респондентами внешних условий жизни. Так, латыши менее, чем русские респонденты, удовлетворены возможностями получения желаемого образования и специальности, возможностью найти работу по месту жительства, а также возможностями сферы бытовых услуг, проведения досуга, подбора подходящего жилья. Так, если часть латышских респондентов, позитивно оценивающих возможности приобрести специальность по месту жительства, составила 25%, то среди русских респондентов – 37%, найти подходящую работу – 13% среди латышей и 21% – среди русских респондентов (Таблица 4).

2. Если в оценке внешних условий жизни латыши оказались критичнее русских, то в оценке результатов собственных усилий в трудовой деятельности, в степени удовлетворенности материальным благополучием в семье, уровнем собственной профессиональной квалификации и полученным образованием, в оценке собственного здоровья, а также в оценке возможностей реализовать свои цели и замыслы и проводить свободное время в соответствии с собственными желаниями латышские респонденты оказались более удовлетворены, чем русские респонденты. Так, если доля латышских респондентов, кто в целом удовлетворен своей работой, составила 45%, то соответствующая доля русских – 35%. Среди латышей доля удовлетворенных условиями труда составила 42%, в то время как среди русских – 29%. Но при этом среди русских респондентов оказалась выше, чем среди латышей, доля тех, кто считает, что способен влиять на собственную жизнь – 19% и 13% соответственно. Это говорит о том, что существуют много нереализованных социальных возможностей для повышения качества своей жизни для русского национального меньшинства в Латвии (табл. 5 и 6).

3. Исследование качества жизни в Латвии обнаружило и большие различия между латышами и русскими в их оценке значения образования в индивидуальной жизни. Так, доля латышей, связывающих получение образования с необходимостью добиться более высокого уровня мате-

риального благополучия, составила 57%, тогда как доля русских – 75%. В то же время доля латышей, считающих образование в качестве важнейшего средства для развития индивидуальности личности, составила 15%, а среди русских – 10% (табл. 7).

4. Большие различия проявились и в отношении к собственному здоровью. Так, если доля латышских респондентов, стремящихся правильно питаться и вести здоровый образ жизни, составила 48%, то соответствующая доля русских респондентов – 35% (табл. 8).

5. Обнаружились большие различия и в использовании возможностей сети социальной коммуникации, прежде всего в уровне политического участия (табл. 9). Конечно, сдерживающим фактором для латвийских русских в развитии политического участия является все еще высокий уровень безгражданства среди национальных меньшинств Латвии.

Как можно оценить некоторые отличия в важных аспектах качества современной жизни у русских Латвии по сравнению с латышами? На наш взгляд, в социальном поведении русского населения в Латвии в большей степени представлена стратегия, сформировавшаяся еще в условиях индустриального типа общества. Причем в социальном поведении небольшой части русского населения Латвии проявляются и негативные аспекты стандартов жизни индустриального общества, к которым, несомненно, можно отнести ориентацию на максимальное приспособление к имеющимся социально-экономическим условиям, предлагаемым обществом, высокий удельный вес материальной мотивации в жизненных целях по сравнению с установками на индивидуальное развитие личности, а как следствие – и пренебрежительное отношение к собственному здоровью, если требуется максимизация индивидуальных ресурсов для экономической и трудовой деятельности. Очевидно, для русского национального меньшинства в Латвии очень важно переориентироваться именно на те стандарты качества жизни, которые формируются постиндустриальной цивилизацией. И именно такой тип социального поведения благоприятно скажется на уменьшении различий в качестве жизни между национальными группами в Латвии, а тем самым снизит возможности вертикальной этнической стратификации латвийского общества.

* * *

За время, прошедшее с момента восстановления независимости Латвийской Республики в 1991 году, русское этническое меньшинство постепенно вырабатывает собственную стратегию этнического поведения. В этой стратегии объективные требования социально-экономических условий, политических институтов, норм и ценностей культуры преломляются через их ситуативное восприятие русским этническим сознанием, а также

через устойчивые элементы идентичности русского этнического меньшинства. Структурирование этнического поведения русских в Латвии отмечают многочисленные этнологические социологические исследования, проводящиеся в стране. При этом данные таких исследований показывают, что частично особенности этнического поведения русского меньшинства совпадают с особенностями поведения латышей и других этнических групп. В то же время исследования констатируют факты, которые отмечают и существенные различия в поведении русских и латышей. Русские Латвии в большей степени, чем латыши, ориентированы не на инновационные жизненные стратегии, а на адаптивные. В поведении русских меньше проявляются установки на освоение сети социальной коммуникации и политическое участие и т. д. Очевидно, особенности структурирования этнического поведения такой численно большой этнической группы как русские, способствует и складыванию вертикальной системы этнической и социальной стратификации. В этой системе этнической стратификации социальные позиции русских менее предпочтительны, чем позиции латышей.

Литература и источники

- Гидденс, Э. (2003) *Устройство общества: Очерк теории структуриации*. Москва: Академический проект.
- Дарендорф, Р. (2002) *Тропы из утопии*. Москва: Праксис.
- Парсонс, Т. (2000) *О структуре социального действия*. Москва: Академический проект.
- Brands-Kehre, I.; Pūce, I. (2005) „Politiskā nācija un pilsonība”. In: *Cik demokrātiska ir Latvija. Demokrātijas audits*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Dedze, J.(ed.) (2002) *Bilingvāla izglītība Latvijā: starp tautiskā ekspertīze (Rakstu krājums)*. Rīga: Sorosa Fonds – Latvija.
- Demogrāfija 2004*. Statistisko datu krājums. Rīga: LR CSP, 2004.
- Demogrāfija 2005*. Statistisko datu krājums. Rīga: LR CSP, 2005.
- Deutsch, K. (1961) „Social Mobilization and Political Development”. In: *American Political Science Review* 55 (Sept.).
- Džāčkova, S. (2003) *Latviešu valodas zināšanas un sabiedrības integrācija*. Rīga: Sabiedriskās politikas centrs PROVIDUS.
- Dribins, L. (2000) „Etnisko minoritāšu līdzdalība sabiedrības integrācijā”. In: *Integrācija un etnopolitika*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Druvieta, I. (2000) *Valodas politikas loma sabiedrības integrācijas procesā*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Golubeva, M. (2004) *Valodu lietojuma proporcija mazākumtautību vidusskolās pēc 2004. gada 1. septembra: skolu sagatavoības kritēriji*. Rīga: Sabiedriskās politikas centrs PROVIDUS.
- Hazans, M.; Rastrigina, O.; Trapeznikova, J. (2005) *Family background and schooling outcomes before and during the transition: evidence from the Baltic countries*. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv/index.php?id=6127>> (21.12.2006).

- Horowitz, D. L. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. University of California Press, Berkeley.
- Iedzīvotāju nacionālais sastāvs pašvaldībās (dati uz 01.01.2006)*. Доступно в Интернетe: <<http://www.pmlp.gov.lv/images/documents/3.pdf>> (21.12.2006).
- Indans, I.; Kalniņš, V. (2001) *Sabiedrības integrācijas institucionālās politikas analīze*. Rīga: Latvijas Ārpolitikas institūts.
- Kļave, E.; Šūpule, J.; Zepa, B. (2004) *Dīplusmu skolas kā bilingvālās izglītības piemēra novērtējums. Izglītības reformas Latvijas sabiedrības integrācijai un labklājībai. Pārskats par izglītību 2003/2004*. Rīga: Sabiedriskās politikas centrs PROVIDUS.
- Kruks, S. (2004) *Mediju kontentanalīze: neiecietības veicināšanas/mazināšanas aspekti*. Доступно в Интернетe: <<http://www.politika.lv/index.php?id=4900>> (21.12.2006).
- Lakis, P. (2000) *Nacionālās kultūras identitāte un multikultūras sabiedrības*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Latvijas demogrāfijas gadagrāmata. 2000* (2001) Rīga: Latvijas Valsts Centrālā statistikas komiteja.
- Latvijas demogrāfijas gadagrāmata. 2001* (2002) Rīga: Latvijas Valsts Centrālā statistikas komiteja.
- Latvijas demogrāfijas gadagrāmata. 2002* (2003) Rīga: Latvijas Valsts Centrālā statistikas komiteja.
- Latvijas demogrāfijas gadagrāmata. 2003* (2004) Rīga: Latvijas Valsts Centrālā statistikas komiteja.
- Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc nacionālā sastāva un valstiskās piederības (dati uz 01.01.2006)*. Доступно в Интернетe: <<http://www.pmlp.gov.lv/images/documents/8.pdf>> (20.12.2006).
- Latvijas 2000.gada tautas skaitīšanas rezultāti* (2002) Rīga: LR Centrālā statistikas pārvalde.
- Makarovs, V.; Strode, J. *Uzskati par starpterniskajām attiecībām Latvijā 2005.g. augusts*. (2005) Rīga: SKDS. Доступно в Интернетe: <http://www.dialogi.lv/pdfs/atskaite_082005_dialogi.pdf> (21.12.2006).
- Marshall, T. H. (1964) *Citizenship and Social Class*. Doubleday, New York.
- Pabriks, A. (1998) „Komunitarisma un individuālisma vērtību ietekme uz politiskās nācijas veidošanās Latvijā”. In: Vēbers, E. (ed.) *Plsoniskā apziņa*. Rīga: LU FSI. 98.–115.lpp.
- Pētījumu un rīcības programma “Ceļā iz pilsonisko sabiedrību. Atskaite. 1. un 2. posma rezultāti”* (1998) Rīga: Baltijas Datu Nams.
- Rotčailds, Dž. (1999) *Etnopolitika: konceptuālās aprises*. Rīga: Izdevniecība AGB.
- Sabiedrības attieksme pret darba spēka migrāciju. Latvijas iedzīvotāju aptauja 2005. gada decembris* (2005) Tirgus un sabiedriskās domas pētījumu centrs SKDS. Доступно в Интернетe: <<http://www.politika.lv/index.php?id=6134>> (21.12.2006).
- Sabiedriskās politikas portāls. Saītes*. (2002) Доступно в Интернетe: <<http://www.politika.lv/index.php?id=7670>> (21.12.2006).
- Šķiriskā pačidentifikācija Latvijā. Pētījuma grafiskā atskaite* (2005) Rīga: Marketing House. Доступно в Интернетe: <<http://www.politika.lv/index.php?id=3376>> (21.12.2006).
- Valsts programma “Sabiedrības integrācija Latvijā”* (2001) Rīga. Доступно в Интернетe: <<http://www.politika.lv/index.php?id=4106>> (21.12.2006).
- Volkov, V. (2005) “Collective identity of the Russians in Latvia and security of civic society”. In: *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*. Daugavpils: Daugavpils Universitāte.
- Volkovs, V. (2006) „Dzīves kvalitāte Latvijā: atšķirīgais starp nacionālajām grupām”. In: Bela, B.; Tisenkopfs, T. (eds.) *Dzīves kvalitāte Latvijā*. Rīga: Zinātne. 81.–96.lpp.
- Zeļcermans, B.; Rogaļeva, N. (2001) „Mazākumtautību politika Latvijā: kas un kā to nosaka?” In: Catlaks, G.; Dedze, I.; Heinemanis, S.; Krēšlīņš, K. (eds.) *Ceļā uz sociālo*

- saliedētību un labklājību. Pārskats par izglītību Latvijā 2000. gadā.* Rīga: Sabiedriskās politikas centrs PROVIDUS.
- Zera, B. (ed.) (2004a) *Etniskā tolerance un Latvijas sabiedrības integrācija.* Rīga: Baltijas Sociālo Zinātņu institūts. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv/index.php?id=3993>> (21.12.2006).
- Zera, B. (ed.) (2004b) *Sabiedrības integrācija un uzņēmējdarbība: etniskais aspekts.* Rīga: Baltijas Sociālo Zinātņu institūts. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv>> (21.12.2006).
- Zera, B. (2005) *Etnopolitiskā spriedze Latvijā: konflikta risinājuma meklējumi.* Rīga: Baltijas Sociālo Zinātņu institūts. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv/index.php?id=3999>> (21.12.2006).
- Zera, B.; Šūpule, J.; Krastiņa, L.; Krišāne, J.; Selecka, A.; Tomsons, J. (2004) *Sabiedrības integrācija un uzņēmējdarbība: etniskais aspekts.* Rīga: Baltijas Sociālo Zinātņu institūts. Доступно в Интернете: <http://www.bszi.lv/downloads/resources/ecoIntegr/Ekon_integr_LV.pdf> (21.12.2006).
- Zera, B.; Šūpule, J.; Tomsons, J.; Krastiņa, L.; Krišāne, J. (2005) *Pilsoniskās sabiedrības veidošanās Latvijas lielākajās pilsētās un etniski nevienlīdzīgajos rajonos Latvijā.* Rīga: Baltic Institute of Social Sciences. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv/index.php?id=4001>> (21.12.2006).
- Zera, B.; Šūpule, J.; Tomsons, J.; Krastiņa, L. (2006) *Mazizglītoto mazākumtautību jauniešu integrācija darba tirgū.* Rīga: Baltic Institute of Social Sciences. Доступно в Интернете: <<http://www.politika.lv/index.php?id=9630>> (21.12.2006).
- Zobena, A. (ed.) (2004/2005) *Latvia. Human Development Report. Human Capability in the Regions.* Rīga: LU ASPRI.
- 1989.g. Vissavienības tautas skaitīšanas rezultāti. 1 daļa (1990). Rīga: LR Valsts statistikas komiteja.

Приложение

ТАБЛИЦА 1. Межэтнические браки русских (% от числа вступающих в смешанные браки)

Национальность мужа/жены	Русские											
	1995		2000		2001		2002		2003		2004	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Латыши / латышки	53,1	52,0	53,6	52,1	53,0	52,0	56,2	57,5	59,5	56,3	56,7	57,5
Белорусы / белоруски	17,8	15,0	15,1	12,6	14,1	12,2	12,1	10,2	13,6	11,1	6,6	10,7
Украинцы / украинки	11,4	11,1	10,4	11,6	11,9	12,3	11,8	9,9	10,4	10,8	5,7	11,0
Поляки / польки	9,5	8,5	9,6	7,7	10,6	7,3	10,0	7,2	9,4	6,5	6,6	8,3
Литовцы / литовки	2,7	2,6	2,8	2,9	3,3	2,8	3,4	3,8	2,5	3,2	5,5	2,2
Евреи / еврейки	1,3	3,6	2,4	4,0	2,3	3,0	1,8	2,5	0,9	3,3	0,9	1,5
Другие	4,1	7,2	6,1	9,1	4,8	10,4	4,7	8,9	3,7	8,8	18,0	7,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: Latvijas demogrāfijas... 2000, 146. lpp; Latvijas demogrāfijas... 2001, 134. lpp; Latvijas demogrāfijas... 2002, 142. lpp; Latvijas demogrāfijas... 2003, 143. lpp; Demogrāfija... 2004, 85. lpp.; Demogrāfija... 2005, 63. lpp.

Таблица 2. Отношение респондентов к эмиграции рабочей силы из Латвии в другие страны. Ответы: «очень позитивное» и «скорее позитивное» (%)

Все респонденты	69,4
Латыши	61,0
Другие национальности	57,5
Рижане	50,7
Жители других городов	60,7
Сельские жители	67,4
С низкими доходами	70,4
Со средними доходами	53,5
С высокими доходами	51,6
Возраст 15–24 года	67,4
Возраст 35–44 года	60,7
Возраст 55 лет и старше	47,6
Основное образование	63,2
Среднее образование	59,5
Высшее образование	55,8

Источник: Sabiedrības attieksme... 2005

Таблица 3. Классовая самоидентификация представителей этнических групп (%) (N=1001, латыши – 58,5%, русские – 29,0%)

	Все респонденты	Латыши	Русские
Низший класс	7,0	47,5	35,6
Рабочий класс	52,1	57,5	29,3
Средний класс	39,1	62,3	27,2
Высший класс	1,8	34,3	48,0

Источник: Šķiriskā pašidentifikācija... 2005

Таблица 4. Отношение к социальным возможностям по месту жительства (ответ: «очень хорошие возможности»)

	Все респонденты	Латыши	Все русские	Русские из среднего класса	Русские с высшим образованием	Mann-Whitney U Asymp. Sig. (2-tailed)
Получить образование	15	14	16	17	22	0,213
Получить нужную специальность	9	8	11	13	13	0,003
Найти работу	4	3	5	6	6	0,044
Найти жилье	5	4	7	7	10	0,209
Провести свободное время	11	10	12	13	13	0,852
Воспользоваться услугами бытового обслуживания	12	11	14	15	18	0,008

(Significance $p < 0,001$)

Источник: Volkovs 2006, 82. lpp.

Таблица 5. Способность влиять на ход собственной жизни

	Все респонденты	Латыши	Русские
Нисколько не могу влиять	2	2	1
В полной мере влияю	16	13	19

Источник: Volkovs 2006, 89. lpp.

Таблица 6. Уровень социальной удовлетворенности (ответы: «удовлетворен» и «очень удовлетворен»)

	Латыши	Русские	Mann-Whitney U Asymp. Sig. (2-tailed)
Собственная работа	46	35	0,000
Заработок	23	20	0,055
Условия труда	42	29	0,000
Личные доходы	23	19	0,109
Благополучие личное и своей семьи	25	24	0,650
Уровень профессиональной квалификации	45	42	0,314
Уровень образования	52	48	0,781
Здоровье	54	49	0,215
Жилищные условия	55	55	0,891
Жизненная среда по месту жительства	59	51	0,019
Возможности трудовой занятости по месту жительства	16	24	0,406
Условия для предпринимательства по месту жительства	9	11	0,075
Безопасность по месту жительства	48	36	0,000
Общественная интеграция – равенство возможностей	35	24	0,012
Экологическая ситуация по месту жительства	54	42	0,001
Уровень жизни и образ жизни семьи	66	61	0,484
Поддержка, получаемая от родных, друзей и коллег	69	61	0,024
Поддержка, оказываемая родным, друзьям и коллегам	57	56	0,743
Время, которое можно посвятить семье	48	51	0,838
Время, которое можно посвятить себе	52	49	0,802
Возможность реализовать свои цели на работе	29	25	0,009
Возможность реализовать свои цели в семье	39	44	0,191
Возможность реализовать свои индивидуальные цели	37	36	0,837
Возможности провести свободное время в соответствии с собственными интересами	40	38	0,973

(Significance $p < 0, 001$)

Источник: Volkovs 2006, 83. lpp.

Таблица 7. Мотивация продолжить учебу

	Все респонденты	Латыши	Русские	Mann-Whitney U Asymp. Sig. (2-tailed)
Обеспечение материального благосостояния	61	57	72	0,010
Приобретение специальности	13	14	12	0,954
Развитие своей индивидуальности	13	15	10	0,787

(Significance $p < 0, 001$)

Источник: Volkovs 2006, 86. lpp.

Таблица 8. Характеристика респондентами своих действий в случае заболевания (данные в этой и следующих таблицах приводятся в процентах)

	Все респонденты	Латыши	Русские
1. Своевременно обращаюсь к врачу	43	46	39
2. Ничего особенно не делаю	9	7	13

Источник: Volkovs 2006, 86. lpp.

Таблица 9. Политическое участие и социальная активность (ответ: «принимал участие»)

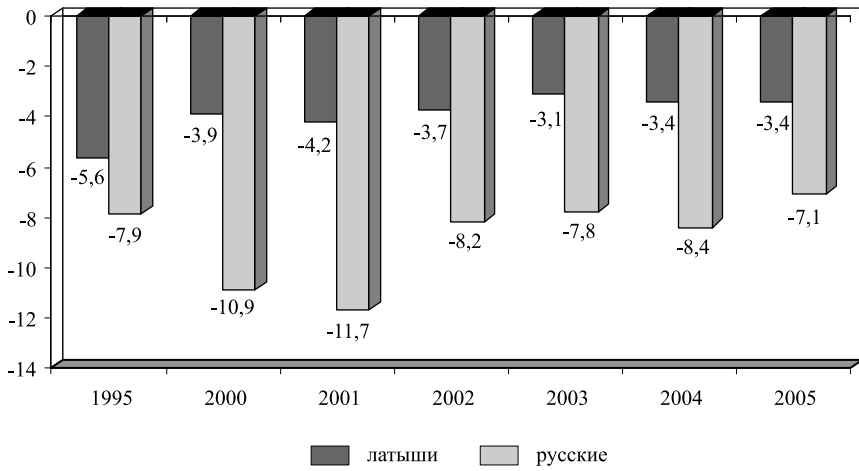
	Все респонденты	Латыши	Русские	Mann-Whitney U Asymp. Sig. (2-tailed)
Выборы в Сейм	62	79	40	0,000
Выборы в самоуправления	66	83	43	0,000
Организация избирательных кампаний	6	9	3	0,006
Убеждал кого-либо голосовать за определенную партию	13	14	12	0,568
Подписывался под призывом провести референдум	23	31	9	0,000
Участие в митингах, пикетах, демонстрациях	10	10	10	0,710
Участие в забастовках	2	3	2	0,264
Писал письма Президенту страны и премьер-министру	2	2	1	0,283
Писал письма министрам и госчиновникам	5	6	3	0,076
Писал письма в самоуправления	8	9	5	0,033
Писал письма в газеты	8	9	5	0,080
Встречался с депутатами Сейма	13	17	7	0,000
Встречался с депутатами самоуправления	25	32	12	0,000
Встречался с министрами и госчиновниками	12	15	6	0,000
Встречался с журналистами	16	19	9	0,000
Участвовал в обсуждении общественных мероприятий	14	19	8	0,000
Принимал участие в обсуждении плана развития своего города (района)	10	14	4	0,000
Член политической партии	2	3	1	0,015
Член негосударственной организации	5	7	2	0,001
Целенаправленно распространял информацию по политическим вопросам	4	4	2	0,194
Жертвовал деньги политическим партиям	1	2	0	0,028

(Significance $p < 0, 001$)

Источник: Volkovs 2006, 94. lpp.

ДИАГРАММА 1. Естественный прирост латышей и русских (на 1000 чел., %0)

Рассчитано по: Demogrāfija 2005. Statistisko datu krājums. Rīga: LR CSP, 2005. 26., 38. lpp.

ДИАГРАММА 2. Изменение численности латышей и русских в результате естественного движения и миграции (на 1000 чел., %0)

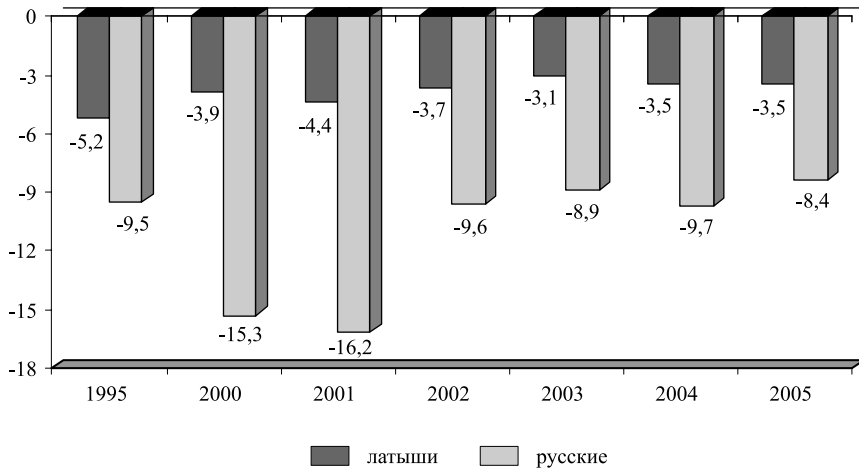
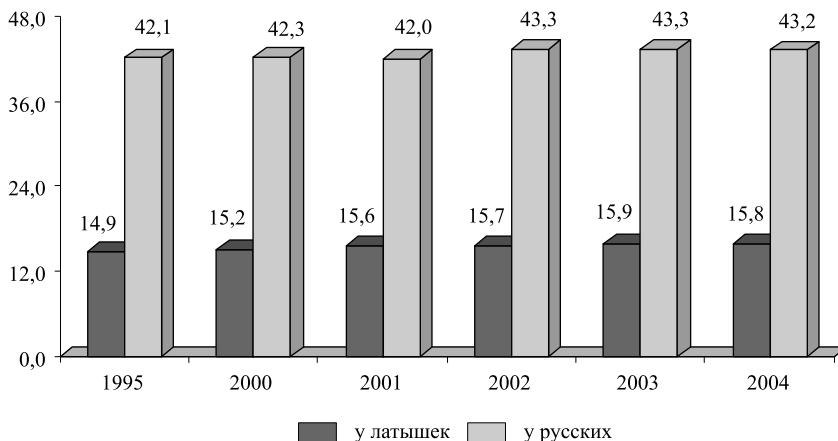

ДИАГРАММА 3. Рождение детей у русских и латышек в этнически смешанных браках (% от числа родившихся по национальности матери)

Рассчитано по: Латвijas demogrāfijas gadagrāmata 2000. Rīga: LR CSP, 2000. 92. lpp.; Латвijas demogrāfijas gadagrāmata 2001. Rīga: LR CSP, 2001. 80. lpp.; Латвijas demogrāfijas gadagrāmata 2002. Rīga: LR CSP, 2002. 90. lpp.; Латвijas demogrāfijas gadagrāmata 2003. Rīga: LR CSP, 2003. 86. lpp.; Demogrāfija 2004. Statistisko datu krājums. Rīga: LR CSP, 2004. 105. lpp.; Demogrāfija 2005. Statistisko datu krājums. Rīga: LR CSP, 2005. 103. lpp.

Latvijos rusų etniskās elģsenas struktūracijas ypatumai

Vladislav Volkov, Olga Peipiņa

DAUGPILIO UNIVERSITETAS, LATVIJA

SANTRAUKA. Straipsnyje rusų mažumos Latvijoje elģsenas strategijos struktūracija analizuojama kaip įvairių socialinių veiksnių – demografinių, migracinių ir gyvenimo kokybės – rezultatas. Šio tyrimo svarba susijusi su tokiais klausimais: 1. Ar etniškumas laikytinas lemiamu socialinės stratifikacijos Latvijoje veiksniu, ar tai yra tik kultūrinis ir psichologinis fenomenas? 2. Ar rusų mažumos kolektyvinis identitetas apibūdintinas kaip istorinių veiksnių rezultatas, ar jis yra susijęs su šiuolaikinės elģsenos strategijos struktūracija Latvijoje?

Metodologiškai šis straipsnis paremtas A. Giddens, T. Parsons, R. Dahrendorf, K. Deutsch, D. Horowitz, J. Rothschild sociologinėmis teorijomis.

Straipsnį sudaro trys dalys: 1. Latvijos politinis diskursas apie rusų etniską mažumą vaidmenį Latvijos visuomenėje. 2. Latvijoje atlikti etnologiniai tyrimai apie Latvijos rusų elģsenos struktūraciją. 3. Gyvenimo kokybės standartų įtaka Latvijos rusų etniską mažumą elģsenos struktūracijai.

Pagrindiniai žodžiai: RUSŲ ETNINĖ MAŽUMA, STRUKTŪRACIJA, SOCIALINĖ STRATIFIKACIJA, KOLEKTYVINIS IDENTITETAS.

Ethnic Behaviour of Latvia's Russians: Peculiarities of Structuration

Vladislav Volkov, Olga Peipiņa

DAUGAVPILS UNIVERSITY, LATVIA

SUMMARY. This article analyses the structuration of the behaviour strategy of the Russian minority in Latvia as a result of different social factors: demography, migration, and quality of life. The importance of this research is connected with the following:

1. Is ethnicity a decisive factor of social stratification in Latvia or is it only a cultural and psychological phenomenon;
2. Is the collective identity of the Russian minority a result of historical factors or is it connected to the structuration of the modern behaviour strategy in Latvia?

The methodological foundation of this paper is the sociological theories of Giddens, Parsons, Dahrendorf, Deutsch, Horowitz, and Rothschild.

The article includes the following parts:

1. Latvian political discourse regarding the Russian ethnic minority in Latvia;
2. Latvian ethnic studies regarding the structuration of the behaviour of Russians in Latvia;
3. The influence of the standard of living on the structuration of the behaviour of ethnic Russians in Latvia.

Key words: RUSSIAN ETHNIC MINORITY, STRUCTURATION, SOCIAL STRATIFICATION, COLLECTIVE IDENTITY.